

Вкус оленины оказался прекрасным: мясо нежное, сочное, с изумительной текстурой, чем-то напоминающее говядину. Как писалось в книге Рассела: «Подать его с горячей овсяной кашей на молоке и преподнести Его Величеству — истинное наслаждение». А если выразаться с изрядной долей преувеличения, то это «пища богов, достойная великих людей».

Август, впрочем, не ощутил столь высоких чувств. Он просто отметил, что золотистая хрустящая корочка на жареном мясе была хороша.

Слава богу, на этот раз банкет не был посвящён Августу, и герцогу достаточно было просто вести себя прилично. Все сложные аристократические церемонии он с лёгкостью переложил на плечи своего дяди, Ричарда II, — пусть тот красовался.

Оленина, как благородное красное мясо, на охотничьих пирях несла скорее ритуальный, нежели гастрономический смысл. Каждый присутствующий дворянин, казалось, от рождения знал, к какому сословию принадлежит, под каким углом следует резать мясо и какую часть кому подавать.

Август мог с уверенностью заявить: он этого не знал.

Личный слуга, подававший ему блюдо, многозначительно улыбнулся. Похоже, список уроков, которые предстояло освоить Августу, пополнился ещё одним пунктом.

...В Средние века даже попытка выглядеть значительным была непростой задачей. Если бы ему довелось вернуться в современность, он бы непременно запустил книгой в лицо любого автора, где главный герой, никогда не обучавшийся этикету, демонстрирует при этом изысканные манеры. Средневековое «показушничество» заключалось не только в манерах — здесь даже то, какую часть мяса ест человек, было строго регламентировано. Попробуй угадай, если не проходил специальной подготовки!

Не будь Август ребёнком, не имей он за плечами те самые «глупые» семь лет, да не сядь рядом с ним Рафаэль с его насмешливо-угрожающим взглядом, — его бы уже осмеяли до полного унижения.

Сердце устало.

Между тем, из чужих разговоров Август уяснил одну вещь: олени, с которыми он сталкивался, были такими глупыми не потому, что команда подготовителей отнеслась к делу спустя рукава, а как раз наоборот — слишком уж постаралась.

Чтобы каждый дворянин, независимо от своих охотничьих навыков, мог получить удовольствие, управляющий Оленьего парка разделил оленей и другую дичь на несколько категорий — по породе и степени приручённости, — разместив их в разных зонах. Управляющий заранее обсудил с рыцарями, кому на каком уровне охотиться, чтобы все остались довольны и в безопасности.

Собрав информацию из разных источников, Август молча оценил свои сегодняшние успехи... Они были на уровне трёхлетнего Принца-Пирожка.

Подобное обращение было редкостью — даже маленькие девочки получали задания посложнее.

Или, если точнее, Август предположил, что классификация управляющего выглядела так: сверхопасные — опасные — обычные — слабые — слабее Августа и Принца-Пирожка.

Олень, который был настолько глуп, что бежал за Августом, выпрашивая еду, вероятно, был единственным во всём парке.

Не имея возможности выплеснуть досаду от того, что его недооценили, и признать жестокую реальность — он действительно способен справиться лишь с таким уровнем, — Август в отчаянии принялся тыкать в щёки Принца-Пирожка. Тот, потягивая молочную кашу, с недоумением смотрел на кузена, позволяя тому мять своё лицо, пока его добродушие не заставило Августа остановиться.

Рафаэлю, между разговорами с другими гостями, пришлось убрать руку Августа с лица Принца и шепнуть ему на ухо:

— На десерт подадут желе из оленьих рогов и малины. Если не хочешь есть — лучше сейчас наешься побольше.

— !!! — Что за чудовище — желе из оленьих рогов и малины?!

— А ещё будет фруктовый пирог с мясной начинкой, — с печальным видом добавил Рафаэль. — Сегодняшние десерты явно не в твоём вкусе. Хотя сыр из оленьего молока неплох — сладкий, как сироп, и без странных добавок.

Хотя Август и не выразил отвращения напрямую, он заметно ускорился, стараясь наестся и избежать кошмарных десертов.

В итоге десерт так и не подали.

Банкет прервался на середине, когда придворный поэт, вместо традиционных песен, начал сочинять истории с намёками. Однако мясо Августа не пропало зря — пока остальные дворяне голодными наблюдали за разгорающейся перепалкой, он уже был сыт и полон сил, что ослепило уставших и нетерпеливых гостей.

Поэт намекал на придворные интриги: как король вдруг признал свою невесту сестрой, потому что увлёкся другой красавицей. Екатерина Говард, известная своим легкомыслием, была родом из семьи герцога Норфолка, как и вторая королева, прославившаяся своей неверностью.

Но за этими словами скрывался не просто любовный треугольник, а религиозный конфликт.

Ситуация накалялась, втягивая всё больше людей. В том числе и Рафаэля: его неопределённая религиозная позиция стала мишенью для нападок.

Рафаэлю удалось убедить протестантов, что он их сторонник, а католиков — что он их. Кто-то назвал это оппортунизмом, намекая тем самым Ричарду II, чтобы тот перестал колебаться.

Ричард II и вправду не отличался твёрдостью религиозных убеждений — он поддерживал ту сторону, которая была ему выгодна. Первая королева была католичкой, поэтому, чтобы жениться на второй, он перешёл в протестантизм; затем, чтобы жениться на третьей, отказался признать законность своего протестантского брака; а теперь, признав принцессу Анну из протестантского герцогства своей сестрой, он, похоже, снова склонялся к протестантизму.

Католики, не желая терять короля, которого им удалось привлечь, последовали примеру Кромвеля и подсунили ветреному монарху красавицу.

Протестанты, конечно, стерпеть такого не могли. И началась драка.

По слухам, именно Рафаэль свёл Екатерину с Ричардом II, поэтому он тоже оказался под ударом.

Август не обратил внимания на остальное, лишь мысленно отметил: если это правда, то, возможно, начинается новое сближение его дяди с католиками, а значит, и ему придётся кое-что пересмотреть в своих планах. Например... строительство той самой столетней церкви в его владениях, которое то начиналось, то прерывалось, может снова возобновиться.

В конце концов король разгневался, и банкет завершился неловко и поспешно.

Королева-мать, чувствуя себя неважно, рано удалилась в покои, не увидев этого спектакля, что, возможно, было к лучшему.

Ричард II всю дорогу мрачно молчал, и даже вернувшись во дворец, не развеселился. Он вызвал Рафаэля в свой кабинет, совершенно не заботясь о том, что его дети остались голодными из-за внезапного конфликта.

Мисс Мария, зная по опыту, ещё до возвращения во дворец распорядилась приготовить горячую еду.

Хотя слова мисс Марии по-прежнему были резки, мисс Елизавета и Принц-Пирожок с улыбкой обняли её. Мисс Мария продолжала ворчать, что они ведут себя неподобающе, но не отказалась от тепла в холодный вечер.

Снаружи лежал снег, а во дворце пылал камин. Как хорошо быть богатым!

Августа тоже заставили согреться и выпить овсяной каши. Мисс Мария настаивала, что он съел недостаточно.

— Я же тебя знаю — ты любишь всякие странные восточные блюда, — сказала мисс Мария. До встречи она очень по нему скучала, но, увидев, принялась его отчитывать — от «ранний подъем тебя не убьёт» до «не привередничай, ешь полезное!».

Принц-Пирожок, будучи смелее, после этих слов осмелился перешёптываться с мисс Елизаветой, которая, вернувшись во дворец, снова замкнулась в себе.

Мисс Мария бросила на него взгляд:

— Не думай, что я не вижу, как вы судачите обо мне!

<http://bllate.org/book/15929/1423974>